

Пока Чаннин вёл хозяина в спальню, рот у него не закрывался ни на секунду. Цзян Чуан вышагивал следом с самым суровым видом, смиренно выслушивая, как слуга перемывает ему косточки.

Мальчишка то ли не догадывался об отменном слухе боевого генерала, то ли, напротив, нарочно повышал голос, дабы зять расслышал всё как следует:

— Сдаётся мне, наш генерал – трус порядочный! За закрытыми дверями творит что вздумается, а при людях нос воротит! Где это видано, чтобы с законным супругом так обходились?

— Ваше Высочество, не знайтесь вы больше с ним! Кроме великой старшей принцессы, один лишь Чаннин бережёт вас пуще глаза!

— А ещё твердили: «Герой, заступник!» Да он обыкновенный лицемер! Семь пятниц на неделе, то нож в спину, то...

Вэнь Цзюэ со вздохом прервал его излияния:

— Чаннин, потише на поворотах. К тому же ты путаешь поговорки.

— Ваше Высочество, я ведь грамоте не обучен, не обессудьте! — смущённо почесал затылок слуга.

Цзян Чуан буквально пожирал взглядом спину супруга. В его голове крутилась одна-единственная мысль: «У моего Чжиюя такой чистый, нежный голос! Сразу видно – благородный, начитанный юноша. Каждое слово ласкает слух, а как мило он меня защищает! Просто само совершенство!»

Стоило им войти во внутренний дворик, как Чаннин тихонько ойкнул – генерал бесцеремонно оттолкнул его бедром. На локоть Вэнь Цзюэ тут же легла тяжёлая ладонь мужа, а крепкая, мускулистая рука по-хозяйски обвила его талию.

Вэнь Цзюэ охнул, почувствовав, как земля уходит из-под ног. Цзян Чуан легко подхватил его на руки, и юноша инстинктивно обвил шею генерала руками:

— Генерал?

Цзян Чуан не удержался и звонко поцеловал его в щёку. Его намётанный глаз тут же приметил, что крошечная родинка под глазом мужа слегка сместилась вправо – больше он ничего подозрительного не разглядел.

«Видать, Чаннин подправил ему белила перед уходом?» – догадался он.

Едва сдерживая желание зацеловать любимого до смерти, Цзян Чуан широким шагом внёс его в спальню и с грохотом захлопнул дверь прямо перед носом Чаннина. Тот едва успел отпрянуть, глотая обиду в бессильной злобе.

Оставшись караулить снаружи, слуга сердито уставился на Чэнь Линя, срывая на подчинённом генерала всю злость за перенесённые обиды. Верный гвардеец лишь недоумённо почесал в затылке.

В спальне Цзян Чуан бережно усадил супруга на табурет и преданно заглянул ему в лицо:

— Я ждал тебя весь день! Представить не можешь, сколько дел я успел переделать. Да,

кстати... пониже спины... ещё болит?

Он увидел, как бледные щёки Вэнь Цзюэ медленно заливают густой румянец, а уголки губ обиженно сжимаются в ниточку. Поняв, что сморозил глупость, генерал замялся:

— Ну... я это... привык на войне выражаться по-простому...

Вэнь Цзюэ потянулся к стоявшему на столе кувшину с питьём, но Цзян Чуан тут же перехватил его ладонь:

— Если что нужно – только скажи, нечего самому тянуться.

Принц послушно убрал руку и повернулся на звук его голоса:

— Хочу пить. Будь любезен, налей мне воды, муж мой.

Его тусклые, незрячие глаза смотрели прямо на Цзян Чуана, заставляя сурового воина робеть как мальчишку.

Генерал торопливо наполнил чашу и протянул её принцу:

— Раз уж зовёшь меня мужем, к чему эти церемонии?

Вэнь Цзюэ бережно поднёс чашу к губам и осушил её единым духом. Ему явно не хватило, и он протянул пустой сосуд обратно.

Цзян Чуан наполнил чашу вновь. Вэнь Цзюэ выпил ещё две порции и лишь тогда отставил посуду в сторону.

— Что стряслось? Неужто твоя сестра пожалела для тебя глотка воды? — Цзян Чуан заботливо утёр влагу с его подбородка.

Вэнь Цзюэ смущённо покачал головой:

— Вовсе нет. Императорская сестра просто тревожится о моём здоровье. Она велела лекарю следить, дабы я выпил снадобье... А оно оказалось на редкость горьким.

Снадобье действительно было невыносимо мерзким на вкус, да к тому же сестра строго-настрого запретила давать ему воду, желая проучить брата. Бедному принцу пришлось терпеть эту невыносимую горечь на языке всю обратную дорогу.

— Горьким? — Цзян Чуан уставился на его влажные, припухшие губы. Он ласково обхватил ладонью затылок юноши и притянул к себе. — Ну так поделись с мужем, враз легче станет.

Он накрыл его губы своими, настойчиво сминая их и заставляя приоткрыть рот, после чего жадно увлёк в поцелуй, стирая всю оставшуюся горечь без остатка.

Вэнь Цзюэ от неожиданности попытался упереться ладонями ему в грудь, но вскоре его пальцы лишь крепче вцепились в одежды генерала. Он перестал сопротивляться и робко, неумело ответил на ласку.

Его брови были слегка сведены – он всё ещё не привык к подобной близости, а в груди бешено колотилось сердце, заглушая все прочие звуки.

Принц и сам не заметил, как оказался в объятиях мужа. Цзян Чуан явно обожал держать его на руках и проявлял к нему невиданную, удивительную нежность.

От этой ласки у Вэнь Цзюэ кружилась голова, однако на сердце у него оставался тяжёлый осадок.

Цзян Чуан не догадывался о его потаённых мыслях. Глядя на зацелованные, припухшие губы мужа и испачканный белилами рукав собственного халата, он почувствовал лёгкий укол совести.

Но Вэнь Цзюэ вдруг коснулся пальцами своих губ, слегка облизал их и, ориентируясь на дыхание мужа, поднял голову:

— Муж мой, посмотри, пожалуйста... Мои губы не слишком... припухли от твоих ласк?

«Зацеловал...»

«Надо же было так выразиться...»

Цзян Чуан тихо выругался про себя.

Вэнь Цзюэ притворно удивился:

— Что такое?

Подавив вспыхнувшее желание, Цзян Чуан легонько провёл костяшкой пальца по кончику его носа:

— Издеваешься надо мной, да?

С этими словами он нехотя отпустил принца и отошёл в глубь спальни.

Он не заметил, как оставшийся за его спиной Вэнь Цзюэ коснулся кончика своего носа, а его уши вновь залила краска. Позже юноша опустил руку с весьма озадаченным видом.

Вскоре Цзян Чуан вернулся, неся целую охапку разнообразных ветряных колокольчиков, купленных на рынке. Он разложил их на столе как величайшее сокровище, предлагая мужу выбрать по вкусу.

— Ты ведь не можешь ходить со мной по лавкам, а я не знал, какой звон тебе приятен. Вот и купил всё, что под руку попало.

Генерал явно гордился своей находчивостью:

— Будет из чего выбирать! Надоест один звон – повесим другой!

— Послушай: вот эти сделаны из речных ракушек, — он легонько встряхнул связку, наполнив комнату сухим, дробным перестуком.

— А вот эти – из глиняных черепков.

— Есть и из тонкого бамбука!

Вэнь Цзюэ выбрал бамбуковые. Поднеся их к лицу, он уловил едва заметный природный

аромат:

— Запах бамбука умиротворяет. Если повесить их в спальне, они будут успокаивать мысли.

— Как пожелаешь! — с готовностью согласился Цзян Чуан. Он закрепил бамбуковую связку у изголовья постели, прямо рядом с драгоценным мечом. К шёлковой кисти, свисавшей снизу, по его велению привязали гладкую бусину из белого нефрита.

Окончив работу, генерал взял мужа за руку и подвёл к постели, помогая нащупать колокольчик:

— Вот здесь край кровати, здесь изголовье... А ну-ка, потяни за эту нефритовую подвеску и встряхни.

Вэнь Цзюэ послушно потянул за кисть, и комнату наполнил мягкий шёпот сухого бамбука.

— Отныне, едва услышу этот перезвон, буду знать: ты зовёшь меня. Соскучился и хочешь поговорить со своим мужем. Договорились?

Вэнь Цзюэ замялся. Он изо всех сил сжимал губы, но так и не смог сдержать невольной улыбки.

Ему верилось с трудом, что их первый день после свадьбы окажется преисполнен такой искренней, глубокой нежности. Прежде он и помыслить о подобном не смел.

Цзян Чуан умел окружить заботой как никто другой. В каждом его жесте сквозила подлинная теплота, и Вэнь Цзюэ приходилось то и дело напоминать себе: «Очнись, не смей принимать эту игру за чистую монету».

Юноша вновь качнул бамбуковую связку, прислушиваясь к её тихому перестуку:

— Колокольчикам положено петь от ветра. Но в этих стенах они станут петь от биения моего сердца. Боюсь, муж мой, впредь твоему слуху не будет покоя.

Слыша его иносказательные речи, Цзян Чуан думал лишь об одном: «Да о чём он там шепчет? Какой же милый! Так бы и зацеловал!»

<http://bllate.org/book/20326/2029321>